

УДК 808.2.168.552

«ВНУТРЕННИЕ» И «ВНЕШНИЕ» ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ**С. Е. Терехова***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
svetaterexova15@yandex.ru*

В статье рассматриваются «внутренние», собственно языковые, и «внешние», экстралингвистические, в т. ч. дидактические проблемы исследования и функционирования устаревшей лексики, приведены примеры интерпретации историзмов и архаизмов современными учащимися.

Ключевые слова: «внешняя» лингвистика, «внутренняя» лингвистика, историзмы, архаизмы, устаревшая лексика, устаревающая лексика, словарный запас.

Постоянное обращение к истокам как собственно лингвистического, так и культурного, исторического опыта является характерным свойством языкового сообщества. Объектом внимания могут стать и отдельные факты, извлекаемые из глубин истории, и целые пласты культуры народа. Обращение к истокам способствует расширению картины мира личности, формированию ее мировоззрения, поэтому всегда актуально. «...И в лингвистическом, и в культуроведческом аспекте связь с истоками была всегда и находила отражение как в литературе, так и в обычном речепотреблении рядовых носителей языка. Но современная практика характеризуется большой активностью этих явлений, поэтому осмысление и фиксация их составляет задачу лингвистики», подчеркивают современные исследователи [1, с. 80].

По нашему мнению, активизация культурно-исторической проблематики в языке связана с активным развитием в последнее время так наз. «внешней лингвистики». Внешняя лингвистика рассматривает отношения языка с историческими условиями его существования, учитывает всю совокупность этнических, социальных, исторических, географических факторов, неразрывно связанных с историей языка. Культура народа, его история, обычаи, отношения между языком и общественными институтами (школой, церковью), географическое распространение языка, языковые контакты – все это может оказывать влияние на развитие языка, хотя и является внешним по отношению к собственно языковой системе. Однако обращение к ним способствует созданию особой «точки отсчета», исходя из которой можно обнаружить в языке принципиальные свойства, не вполне отчетливо видимые при внутреннем рассмотрении языка, т.е. в традициях и терминах «внутренней лингвистики» [2, с. 34].

По аналогии с определениями «внешняя лингвистика», «внутренняя лингвистика» мы используем в статье выражение «внутренние» и «внешние» проблемы по отношению к устаревшей лексике, понимая под «внутренними» проблемами сугубо внутриязыковые проблемы дифференциации и разграничения архаизмов, историзмов и сходных с ними языковых явлений, а под «внешними» – проблемы экстралингвистического характера, в т. ч. и дидактические, связанные с трудностями освоения учащимися школы лексики, находящейся на языковой периферии. В частности, одной из лежащих на поверхности «внутренних» проблем является проблема дифференциации устаревших слов. На первый взгляд, она кажется давно решённой: даже пятиклассники знают, какие слова относятся к историзмам, какие – к архаизмам. Но так просто обстоит дело только в представлении школьников. В «большой» лексикологии остается актуальной проблема разграничения названных видов устаревших слов, поэтому мы и хотим обратить внимание на наиболее острые, по сей день нерешенные вопросы. С другой стороны, еще более острыми стали в последнее время проблемы функционирования, понимания и употребления современниками исторической и архаической лексики, что связано с отмечаемым всеми падением общей культуры обще-

ства. Устаревшая лексика является ценным материалом для формирования знаний молодежи о прошлом своего народа, приобщения её к национальным истокам. Но мы видим, что у современных школьников нет глубоких знаний в области истории и культуры родной страны, слабо (или вообще отсутствует) знание многих устаревших слов, нет практики их применения в речи. А ведь знание «старых слов» необходимо для понимания и верной интерпретации классических произведений литературы. Например, при анализе такого сложного в идейном плане произведения И. С. Тургенева, как «Муму», учащиеся 5-х классов должны понимать многие устаревшие слова, которыми насыщено произведение: *дворовый, тягловый (мужик), челядь, приживалка, горничная, кафтан, армяк, околоток, трактир, коник* и др.

Таким образом, в нашей статье мы предполагаем произвести обзор различных точек зрения лингвистов на классификацию историзмов и архаизмов, подтверждающий наличие «внутренних» проблем в исследуемой области, а также, на основе проведённого в школах Белгорода и Белгородского района анкетирования, дать представление об уровне знаний учащихся об устаревшей лексике, степени значимости для них изучения подобного языкового материала, что позволит выйти на обсуждение одной из проблем «внешней» лингвистики.

Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся «внутренних» проблем разграничения устаревших слов. В одном случае в число таковых включается часть словарного состава языка, состоящая из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины, собственные имена) или лексических единиц, известных только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемых только в отдельных функциональных разновидностях языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика). Это понимание пассивного лексического запаса высказано А. А. Реформатским, Д. Э. Розенталем, Б. П. Баранниковой, М. А. Теленковой и другими исследователями.

Сторонники другой точки зрения утверждают, что пассивный словарь – это часть словарного состава языка, понятная всем владеющим данным языком, но малоупотребляемая в живом повседневном общении; пассивный словарь составляют устаревшие или устаревающие, но не выпавшие из словарного состава языка слова, многие неологизмы, которые ещё не вошли в привычное словоупотребление. Такое понимание пассивного словарного запаса языка поддерживается Н. М. Шанским, М. И. Фоминой и некоторыми другими лексикологами. Их точка зрения является более «узкой», т. к. при таком понимании в пассивный запас включается лишь часть устаревшей (устаревающей) лексики и часть неологизмов. Но общим для представителей обоих направлений является то, что все они отмечают наличие временного компонента в характеристике устаревших слов, низкую частотность употребления и, как следствие, периферийную позицию в словаре.

Ещё одно мнение по этому поводу основывается на разграничении понятий *язык* и *речь*: «понятия «активный» и «пассивный» словарь относятся прежде всего не к языку, а к речи, то есть к языковой деятельности отдельных индивидов, поэтому активный и пассивный словарь разных людей, относящихся к разным общественным группам, профессиям, к разным местностям, могут и не совпадать» [3, с. 47]. Также этим исследователем (О. Н. Емельяновой) отмечается, что традиционно термин «устаревшая лексика» используется как обобщающее понятие по отношению к терминам историзм и архаизм.

В современном отечественном языкознании нет единого, общепризнанного мнения о том, что представляет собой пассивный словарный запас языка (речи), так же, как нет единого, признаваемого «классическим», определения архаизма, устаревшей/устаревающей лексики. Следует, однако, отметить факт безусловного внесения всеми лингвистами устаревшей лексики за пределы активного запаса, определение места архаизмов в пассивном словаре, на периферии языка (речи). Отсутствие чётко-

го, ясного представления о границах понятий «пассивный словарь», «устаревшая лексика» (и архаизмы в их числе) очень часто приводит к неразличению устаревшей лексики и других разрядов неширокоупотребительных слов, относимых многими лингвистами к пассивному запасу языка. Например, церковную лексику одни лингвисты считают устаревшей, другие – устаревающей. И только на этом расхождении проблема не исчерпывается, ведь часть конфессиональной лексики после перестройки, в 1990-е годы XX в., вернулась как в книжную, так и в естественную разговорную практику, вследствие чего требуется осторожность при отнесении этих слов к пассивному лексическому пласту, пересмотр стилистических помет к таким словам, как *архиепископ, благовест, приход, сенощная* и др. То же самое можно сказать о «возвращенной» лексике (*Дума, губернатор, полицейский*), многочисленных «советизмах» (*колхоз, совхоз, партком, пятилетка, партбилет*) и других лексических группах, не получивших еще полного описания в работах лексикологов.

Существуют трудности также в размежевании высоких и поэтических слов, с одной стороны, и устаревшей лексики – с другой. «Часто ввиду того, что поэтическая лексика имеет очень узкие границы употребления, её относят к лексике устаревшей» [3, с. 49]. По классификации М. И. Фоминой слова пассивного запаса делятся на две группы: устаревающие слова и устаревшие слова. К устаревшим, в свою очередь, относятся историзмы и архаизмы. «Устаревшими называются слова, которые вышли из активного употребления и в современном языке, как правило, не встречаются» [4, с. 286]. К ним относятся, во-первых, такие, которые устарели вместе с понятиями о предметах, явлениях и т. д., например наименования прежних административно-выборных собраний, органов и т. д., а также их членов: *община, земство, земский; дума*. При этом, опять-таки, как было отмечено, следует иметь в виду и обратный процесс – возвращение слов данной группы в активный словарный запас. Например, слово «дума», которым обозначается одна из палат Парламента РФ – Государственная Дума. Вышли из активного словаря такие слова, как *царь, князь, граф* и др., но, являясь историзмами, они используются в современных текстах с определёнными стилистическими целями (воссоздание эпохи, характеристика героев и др.), могут продолжать оставаться в активе как поэтизмы в художественном тексте: «*Мой любимый, мой князь, мой жених...*» (А. Блок).

Причины появления архаизмов могут носить как экстралингвистический, так и собственно лингвистический характер. Внутриязыковые изменения связаны с наличием функциональных разновидностей языка и речи, синонимических связей (прежде всего с наличием стилистических синонимов) и т. д. Архаизация слов не связана с их происхождением. Устаревать могут исконно русские слова: *дабы, изгой*; слова, старославянские по происхождению: *клад, чадо*; заимствованные слова: *натюра* – природа, *сатисфакция* – удовлетворение и др. Особо следует отметить, что часто архаизмы «используются как средство создания комического и сатирического. С этой целью могут употребляться и историзмы, но не в прямом, а, как правило, в переносном значении, что приводит не только к семантическому обновлению слова, но и к его экспрессивному и образному переосмыслению» [5, с. 40]. Например, такие слова, как *господин, челядь, барин* стали активно употребляться с ироническим оттенком. Сатирический и комический эффект может усиливаться соединением слов с разной стилистической окраской. В отличие от историзмов, архаизмы, как правило, называют предметы, явления, признаки, процессы не устаревшие, а вневременные, не ограниченные лишь каким-то определённым историческим периодом. Получается, в архаизмах мы обращаем внимание преимущественно на то, с какой формой слова, т. е. с какими особенностями звучания и строения слова связано его значение (словообразовательные архаизмы, грамматические архаизмы и т. д.). Эти разновидности архаизмов имеют одну общую особенность: будучи представленными в речи, они не делают её непонятной слушателю. Например, *полон* (плен), *злато* (золото), *глава* (голова) в выражении *склонить главу* и др. Для понимания их смысла не требуется прибегать к помощи

словарей. По этим причинам фонетические архаизмы чаще других типов архаизмов используются писателями и поэтами: они и понятны, и вместе с тем вносят в авторскую речь и в речь героев определённый стилистический колорит. Д. Н. Шмелев отмечает, что значительную группу архаизмов составляют старославянизмы: *брег, град* и др. Устаревшие слова обладают разной степенью архаичности, которая устанавливается по трём признакам: употребительность, понятность, впечатление устарелости. Есть архаизмы абсолютные, вроде *комони, гридницы, аще, яко*. В каком бы стиле речи мы их не употребляли, они всегда производят впечатление глубокой старины. И есть архаизмы относительные. Одно и то же слово может быть архаичным или не архаичным в зависимости от стиля речи, от того, в каком контексте оно употреблено. Странно было бы видеть *очи* вместо *глаза* в медицинской статье - в стихах же *очи* уместны. То есть в некоторых стилях речи архаизмы естественны, нужны и полезны, а в других неуместны.

Процесс перехода слов из группы активного в группу пассивного употребления длительный, постепенный. Он обусловлен и внеязыковыми причинами (например, социальными) и собственно языковыми, из которых существенную роль играют системные связи устаревающих и устаревших слов: тематические, связь разных его значений, синонимичные и антонимичные связи и т. д. Чем обширнее и разнообразнее эти отношения, тем медленнее переходит слово в пассивную часть лексики и дольше сохраняется частотность его использования. Временной характеристике способствуют лексико-семантические и лексико-словообразовательные архаизмы. Также архаизмы и историзмы, хотя и в меньшей степени, выполняют и собственно стилистические функции. Так, они нередко являются средством создания особой торжественности, возвышенности текста, а также используются как изобразительно-выразительное средство. Использование архаизмов должно быть во всех стилях достаточно чётко мотивировано. В наши дни устаревшая лексика способствует созданию особой эмоционально-стилистической окраски: *ваятель, зодчий* вместо *скульптор, вопрошать* вместо *спрашивать* изменяют тональность текста. Поэтому к употреблению подобных слов в текстах нужно подходить примерно так же, как и к лексике, стилистически окрашенной или закреплённой в стилевом отношении.

Для каждого времени характерны свои тематические парадигмы, фиксирующие устои, которые свойственны определенной эпохе. Возникает система понятий, существующих и взаимосвязанных предметно, интеллектуально, профессионально. Из живой речи могут выходить отдельные члены парадигмы, вся парадигма (например, наименования первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального строя), но в парадигмах, связанных с жизнедеятельностью нации (управление, производственная деятельность, семья), происходят замены и пополнения в системе понятий, соответствующих содержанию и стилю мышления эпохи. Например, если в XVII в. в Русском государстве были актуальны одни административные структуры, например, *Приказ* – управленческое учреждение, то в XVIII в. – уже *Коллегия*. Уход историзмов из актуальной, общенародной лексики обычно определяется в лингвистическими, то есть экстралингвистическими причинами (социальные изменения, изменения в культурной жизни и т. д.). Историзмы, являясь единственной номинацией явлений, ушедших из жизни, в специальной научной литературе используется для наиболее точного описания эпохи.

Историзмы порождаются историей данного общества и отображают в своём значении предметы, явления, процессы, связанные с общественным устройством государства, отношениями классов и иных социальных групп в нём, с экономическим и культурным развитием общества. Слова эти или их отдельные значения отличаются тем, что обществом утрачены сами понятия, обозначавшиеся этими словами: *боярин, барщина, вече* и т. д. Надо ли говорить о том, что историзмы всегда нужны обществу, поскольку они сохраняют для нас нашу историю, к тому же, не зная прошлого (а прошлое – это опыт), нельзя глубоко познать и понять настоящее! Историзмы являются смысловым центром любого учебника по истории; без них нельзя представить ни од-

ного художественного произведения на историческую тему; они необходимы при описании исторических полотен.

Историзмы относятся к реалиям разных эпох и народов. Легко заметить, что не возраст определяет степень «неактуальности» слова. Некоторые явления сравнительно недавнего прошлого относятся уже к истории, вслед за ними в разряд историзмов перешли и их обозначения. Некоторые из названий, обозначавших исторические реалии, были использованы для обозначения новых близких по функции предметов и таким образом совмещают в своей семантике исторические и актуальные значения (т.е. являются лишь «частичными историзмами»), например, значения существительного *шлем*: «1. Старинный металлический воинский головной убор, защищавший от ударов, стрел. 2. Специальный головной убор лётчиков, танкистов, лыжников и др., а также особый головной убор для защиты от солнечных лучей. 3. Специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее её от внешней среды» [5, с. 150].

Можно заметить ещё, что вышедшие из употребления предметы и сами по себе не в одинаковой степени исчезли из жизни, поэтому их обозначения неодинаково удалены от нас. *Трон, корону, кольчугу* можно увидеть в ряде музеев; о *князьях, королях* мы читаем не только в произведениях классической литературы или учебнике истории, но и в современных газетах, когда речь идёт о зарубежной жизни. Следовательно, эти историзмы не то же самое, что вышеупомянутые *боярин, вече* и т. д., а скорее, вышедшие из активного оборота слова, не имеющие актуального значения в современной речи, но обозначающие не исчезнувшие, а существующие реалии. Некоторые из историзмов проявляют активность и в другом направлении. Они могут выступать в качестве обозначения реалий, которые имеют другие (прямые) наименования, например, *король, королева* в спортивных репортажах о шахматных турнирах. Слова же, «обозначающие реалии, исчезнувшие из нашей действительности, но существующие в зарубежной жизни, приобретают как бы двойственный «статус» – они являются в определённом смысле историзмами и в то же время примыкают к т. наз. экзотизмам» [6, с. 158].

Устаревшая лексика не должна восприниматься только как формальный языковой материал, нуждающийся в систематизации. Это материал культуuroобразующий, менталеобразующий. Сейчас всё большее число соотечественников осознают пагубность забвения нами многих страниц отечественной истории и культуры, прежде всего народной культуры. Мы, не задумываясь особо, почти выбросили из нашей памяти многовековые обычаи, традиции, обряды, праздники, верования своих народов. А ведь всё это создавалось с незапамятных времён, взращивалось фантазией и проницательным умом народа.

Наука и художественная литература всё это собирают, описывают, сохраняют – в слове, в тексте, в словаре. Но, к сожалению, мы забыли и традиции, и верования, и даже слова. «Знакомясь с художественной литературой прошлого, и учитель, и ученик, словно по взаимному договору, стыдливо опускали и всё ещё опускают глаза при встрече с «реченькой бездонной» слов и выражений, навеянных Библией, взятых из неё, и, боясь спросить, и боясь сказать, что же они значат и как надо понимать эти слова и созданные на их основе бессмертные образы словесного и изобразительного искусства...» [6, с. 7]. И вот наконец-то, кажется, приходит пора, когда всем нам должно, пусть медленно, подниматься к этому живительному источнику истории национальной культуры, что сотворен был нашими пращурами, познать их дела и слова. М. Горький устами своего героя из повести «В людях» верно говорит: «Слова, дружище, это – как листья на дереве, и чтобы понять, почему лист таков, а не иной, нужно знать, как растёт дерево!..» [Цит. по 6, с. 19].

С целью выявления уровня знаний современными школьниками устаревших слов, а также степени сформированности их ценностных ориентиров, познавательной активности при знакомстве с историзмами и архаизмами нами было проведено

анкетирование. В эксперименте участвовало 100 учащихся 5-х классов г. Белгорода и Белгородского района. Проанализировав результаты ответов на вопросы анкеты, к сожалению, мы вынуждены отметить тот факт, что современные пятиклассники не могут дать определение историзмам и архаизмам (15 из 100% ответили, что это устаревшие, «старые» слова, без дифференциации на архаизмы и историзмы).

В качестве примеров устаревших слов 3 % опрошенных назвали слова *арбуз*, *вечереть*, *свёкла* и др., не относящиеся к данной группе. А на вопрос, нужно ли изучать устаревшую лексику, 50 % респондентов ответили, что нужно. Свой утвердительный ответ аргументировали следующим образом:

- а) потому что интересно и может пригодиться в жизни – 20 %;
- б) часто встречаются в литературных произведениях, необходимо объяснять их значение – 11 %;
- в) хочу стать историком – 2 %;
- г) хочу больше узнать о жизни своих предков и понимать речь старых людей – 10 %;
- д) надо знать, чтобы быть грамотным – 5 %;
- е) могут встретиться в контрольной работе и тестах – 2 %.

В последующих вопросах анкеты учащимся предлагалось раскрыть лексическое значение некоторых устаревших слов, среди которых были такие, как *городничий*, *вече*, *рубщице*, *соха*, *князь*, *очи*, *десница*, *чело* и др. Мы выяснили, что лишь 30% учащихся имеют какое-то представление о данных группах архаичной лексики. Среди ответов остальных 70 % учеников были, например, следующие: *рубщице – это то, чем рубят дрова; городничий – человек, живущий в городе* и даже: *городничий – человек, объявляющий, когда будет ярмарка; князь – монах, управляющий королевством; чело – чёлка* и т. п. Давая неправильное и неполное толкование этих слов, пятиклассники при этом отмечали, что данные устаревшие слова знакомы им из сказок, пословиц, поговорок, стихотворений, с которыми они познакомились на уроках литературы.

Оценка результатов проведенного анкетирования позволяет сделать вывод о том, что современные школьники не владеют необходимым минимумом знаний об устаревших словах, испытывают трудности в размежевании нейтральной и архаичной лексики, кроме того, не осознают значимости её изучения.

Обращение к толкованию устаревшей лексики – аксиома языкового образования: непонимание значения историзмов может привести к искаженному восприятию художественного произведения. Об этом не устают напоминать специалисты: «Постоянно приходится сталкиваться с необходимостью интерпретации <этих слов> не только в аудитории, для которой русский язык является неродным, но даже в среде его исконных носителей: *бармы*, *барщина*, *бестягольный* (крестьянин), *боярин*, *бурлак*, *бурмистр*, *власяница*, *временнообязанный*, *гетман*, *губернский предводитель*, *дворянин*, *земец*, *испольщина*, *казак*, *оброк*, *помещик* и многие другие. Толкование таких слов невозможно без показа социальной структуры русского дореволюционного общества, его общественного уклада» [7, с. 179].

Архаичная лексика не должна считаться чем-то отжившим, морально устаревшим – наоборот, это вернейший способ оживления и укрепления исторической памяти молодого поколения. Оскудение словарного запаса школьников, отсутствие в их лексиконе некоторых слов, пусть и относящихся с точки зрения развития языка к устаревшим, но отнюдь не устаревшим с точки зрения формирования мировоззрения и укрепления исторической памяти, свидетельствует о том, что целые пласты культуры выпадают из сознания молодежи. Нужно не упускать один из главных принципов в работе с исторической лексикой – формировать правильное к ней отношение, суть которого «в отрицании взгляда на культуру как на лавку древностей, где хранится красивый, но давно отработанный материал»: «благоговейное отношение к вечным ценностям не мешает их постоянному переосмыслению» [8, с. 6 – 7].

В настоящее время остро стоит проблема формирования у подрастающего поколения системы ценностных ориентиров, духовно-нравственного воспитания молодежи, приобщения ее к истории и культуре России, своего родного края, сознательного отношения к окружающей действительности. Очень важно, чтобы молодое поколение жило не только настоящим, но и помнило о прошлом, искало и находило в прошлом ответы на непростые вопросы настоящего. И здесь неопределимую роль могут и должны сыграть уроки истории, литературы, родного языка. По нашему мнению, особенно результативно углубленное, осмысленное изучение лексики, своего рода погружение «внутрь» слова, умение постигнуть смысл слова во всех его оттенках и нюансах употребления, умение увидеть запечатленную в нем историю, осознать все, что хотел сказать автор, выбирая то или иное слово и при этом расширить знания не только о своем языке, но и о стоящей за ним культуре.

Обобщая сказанное, хотели бы подчеркнуть, что, несмотря на наличие в лексикологии ряда «внутренних», т. е. собственно языковых проблем, связанных с систематизацией, дифференциацией устаревшей лексики, функционированием ее в книжной и разговорной речи, нельзя ограничиваться рамками внутрисистемных классификаций, необходимо разносторонне исследовать и «внешние», вызванные экстралингвистическими факторами, проблемы функционирования устаревшей и устаревающей (а также «псевдоустаревшей») лексики.

Перспективы исследования мы связываем с решением лингводидактических задач, направленных на расширение словарного запаса современных школьников, в том числе – за счет активизации работы с уникальным лексическим материалом, к какому, несомненно, относится лексика архаическая и историческая.

Список литературы

1. Гулакян Б. С. Освоение культурно-исторического языкового наследия в современной речевой практике // *Русский язык в школе*. – 1993. – № 6. – С. 79 – 83.
2. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / Под ред. Т. Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
3. Емельянова О. Н. О «пассивном словарном запасе языка» и «устаревшей лексике» // *Русская речь*. – 2004. – № 1. – С. 46 – 50.
4. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с.
5. Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
6. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
7. Макаров В. И. Источники педагогического воздействия в процессе преподавания историко-педагогических дисциплин // *Лингвистическое отечествоведение*. В 2 т. – Елец: ЕлГУ им. И. А. Бунина, 2001. – Т. 2. – С. 175 – 181.
8. Ямбург Е. А. Контуры культурно-исторической педагогики // *Педагогика*. – 2001. – № 1. – С. 3 – 10.

«INTERNAL» AND «EXTERNAL» PROBLEMS OF RESEARCH OF OUT-OF-DATE LEXICON

S. E. Terehova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
svetaterexowa15@yandex.ru*

In the article we examine "internal", actual language, and "external", extralinguistic one, including didactic problems of research and functioning of out-of-date lexicon, some examples of interpretation of historicism and archaisms used by modern pupils are given.

Key words: "external" linguistics, "internal" linguistics, historicism, archaisms, out-of-date lexicon, outdated lexicon, lexicon.